

Сегодня — 50 лет МХАТ им. Горького

В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

Даже самый гениальный писатель не мог бы творить, живя на необитаемом острове, твердо зная, что его книги никто никогда не прочтет. Даже самый прекрасный театр, с чудесными артистами и первоклассным репертуаром, не смог бы играть в пустом зале. Художник творит для народа, и для артиста дыхание зрительного зала, его восторг или непонимание, укор или одобрение — та живительная, необходимая атмосфера, в которой он проверяет себя и свое искусство. Недаром К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, стараясь овладеть, каков будет их новый театр, заучивались и о том, для кого он будет. Кто будет их зрителем?

И в первый же день, когда собралась вся новая труппа, Станиславский раскрыл перед ней главную задачу театра: «Не забывайте, — сказал он, — что мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса, дать им счастливые эстетические минуты среди той тьмы, которая покрывает их. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр, в этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь».

Новый театр, народный театр — вот что стремились создать его организаторы. Как же превратился в жизнь их замысел?

...На протяжении четырех десятилетий автор этих строк был зрителем и почитателем величайшего в мире театра, и, оглянувшись назад, он будет в своей душе познаваемые и трепетные воспоминания. Перед ним вставят люди, события, «век нынешний и век минувший»...

Все тот же зрительный зал — ни позолота, ни брови, ни алый бархат — но отдающий вниманием. Мягкий, рассеянный свет, скромное шитое занавеска, светлый абрис летящей члвчк — символ полета, творческого искания тех, кто создал этот удивительный театр.

В морозные московские ночи у кассы театра появлялась очередь верных почитателей театра — студентов. Студенческая молодежь, притягиваемая на морозе, дуга на пальцы, терпеливо ожидала, когда наконец откроется окошко и в руки счастливицы полагает билет со знакомой эмблемой.

Для народа, для рабочих театр удалось сыграть только четыре спектакля. Попытки устраивать спектакли, закуленные для фанки и заволов, кончались неудачей. В репертуаре Художественного театра одно только «Поздняя любовь» Островского значилось в списке пьес, разрешенных для народных театров. Всего 1.146 билетов было куплено рабочими — дальнейшая продажа была категорически запрещена властями.

И все же у театра был новый, демократический зритель: учащаяся молодежь, студенчество, интеллигенция — те, кто искал в театре не развлечения, не отдыха, а ответа на самые жгучие, самые волнующие вопросы. Играть для этого зрителя было настоящим радостью.

Это было время, когда в переулке по соседству с театром располагались усмешные наряды городских: ожидали политический демонстрации в зале. И подарок. Еще не раздалась первые выстрелы 1905 года на улицах Москвы, еще не выжили с баррикад дружинники Пресни, а со сцены Художественного театра зазвучали слова, призывающие верить в светлое будущее России:

«Пришло время, надвигается на всех вас громада, готовится зловрада, сильная буря, которая влет, уже близка в скоро слухт с нашего общества лень, равнодушие, преубеждение к труду, гнилая скука». Трудно передать, какое впечатление произвела эти слова на слушателей. Это была

искра, от которой разом все вспыхивало в душе!

А «На дне»! Этого нельзя забыть. На сцене была сама жизнь, потрясающая, гневная правда. С огромной силой звучали слова Сатина, обливавшие ложь и ласкание, возмущение в борьбе. Народ — вот подлинный герой, чей голос зазвучал со сцены в пьесах Горького: народ все продолжает и переборет, за ним — будущее. «Дети солнца» репетировались в дни первой русской революции, в дни жестокой, напряженной борьбы. На улицах разнузданные банды черносотенцев избивали рабочих, студентов, интеллигенцию.

В. И. Немирович-Данченко вспоминает: «Уже с утра по городу шла толпа, что черносотенцы не допустят представления пьесы Максима Горького. Толки выросли скоро до слухов, что сегодня будут разосыпать Художественный театр, как гнездо революции. Тем не менее театр был полог. Администрация театра для успокоения публики установила наблюдение за улицей и двором. И хотя ничего позорительного не было, тем не менее публика весь вечер находилась в настроении какого-то подблравания самой себя. В антрактах — шутки: — Говорят, театр сегодня будут разосыпать? Ну что ж, на людей и смерть красна. Однако во время действия не могли отлаяться пьесе свободой, все точно прислушивались к тому, что происходит за стенами театра...»

Путь Художественного театра был сложен и труден. А. М. Горький в своем послесловии к 30-летию МХАТ напоминает о том, что театру пришлось работать в тяжелую пору революции и он отдал часть искусства, которое было чуждо народу.

«...Если бы не было Великой Октябрьской социалистической революции, — говорил впоследствии В. И. Немирович-Данченко, — наше искусство потерялось бы и заглохло. Ибо надо было идти вперед, находить новое, и нужен был зоркий зритель, чье требовательное внимание и любовь питали бы вдохновение театра, нужно было отдавать свое искусство не только тонкому

все же слою того, что было лучшего, передового в царской России, но всему народу, — а эту возможность дала театру только революция».

...И вот уже нет в зрительном зале студентов в куртках и туфлях с синими петлицами, нет земских врачей, нет либеральных господ, есть миллионеры-мещане и востановивших помещиков. Зал «Аноры» возмущался назло новой, величайшей эпохи в истории человечества. В зале Художественного театра сиял рабочий в косоворотке и вытертом пиджаке, красавицей из части особого назначения, балетный матрос из сводного отряда, отпавшего на Дон воевать с Лениными, вузовец-комсомолец того поколения, которому Ленин заповедал: учиться, учиться и учиться... Лиды этих новых зрителей выражали ссороточивость, ожидание глубоких и сложных переживаний, где все — правда, все — как в жизни.

И это не просто внешняя перемена: сидев в зале один люди, а теперь сидят другие. Нет, связь с аудиторией у настоящего театра всегда живая, глубокая, взаимостроительная. В зрительном зале находится не просто пассивный созерцатель, слушающий, требовательный критик. И вот многозначительная деталь: уже в дни первых представлений «На дне» после революции Москва, правый Луку, почувствовала, что необходимо изменить рисунок роли. Зал своей реакцией подсказал ему: утешительство Луки — плохо, вредно, оно не подсказывает человеку выхода из тяжкого, унижающего существования, а спутывает, связывает по рукам и ногам, заставляет симпатизировать и терпеть то, чего терпеть нельзя. И чуткий артист сразу понял и оозвучил: надо играть иначе.

На сцене Художественного театра появились новые герои, герои советского времени: крестьяне-партизаны Вершинин, большевик Пелгачев, партизан Василья Окорок. И новый, советский зритель встретил их с любовью, с доверием, с радостью, как друзей и соратников по общей борьбе.

Вше десятилетие пролетело над страной,

и вот в зрительный зал пришли строители, участники великих работ по сталинскому пятилетнему плану, люди с командировочными удостоверениями Днепротаса, Магнитки, Уралмаша.

Во время Отечественной войны артисты-художники сражались оружием искусства. В эти годы окопный зал зрительный зал заполняют советские офицеры и солдаты, рабочие оборонных заводов, хирурги, врачи — товарищи и друзья Платона Крестача. На сцене — «Русские люди». Командир Сафонов произносит: «Стой, Сафонов, ни шагу назад! Десять раз прима, а стой! Умира, а стой!» И артисты нарушают правило театра, строго запрещающее англодировать во время действия: гремят рукопашесания — рукопашет люди, которые умели стоять и выстоять наперекор всему!

Пришла победа, прогремел над Москвой победные салюты. В Художественном театре шла репетиция «Победителей». И герои-победители увидели на сцене самих себя, своих дела и чаяния, свои мысли и чувства.

...А видел немало театральных юбилеев и прежде, до революции. И прежде праздновал свои юбилей Художественный театр. Но разве можно сравнить это с тем, что происходит сейчас? И разные были адреса, письма, приветствия, но никогда еще праздник театра не становился таким большим, радостным событием в жизни всей страны. И это потому, что пришел новый зритель. Обналась мечта создателей театра, мечта, воплощенная лучших, величайших актеров: возникло полное единение со зрительным залом. Глубокое понимание и любовь связывали людей по обе стороны рампы.

Создатели театра назвали его «общедоступным». За полвека своей жизни он стал поистине общедоступным, всенародным, любимейшим театром нашего советского зрителя. И в день его пятидесятилетия все поколения зрителей и почитателей приносят ему горячую благодарность за те минуты восхищения и трепета, которые они пережили в его стенах.

Слава ему!

Л. НИКУЛИН.